

В полумраке секундная стрелка будильника с трещиной на стекле вымеряла жизнь: каждому – своё. Долгий протяжный крик прокатился по квартире, нарушив едва уловимый ход часов.

Той ночью Валя совсем сдурела. Блажила как резаная, слонялась по комнате из угла в угол. То заваливалась набок, то снова вставала, словно неведомая сила тянула ее дальше, – и так по кругу всю ночь напролёт. Кошачий ор не давал уснуть – в глухой темноте он звучал зловеще.

– Кыс-кыс, Валенька! – свесившись с постели, хозяйка шерудила по полу руками.

Кошка будто не слышала. Сама животная суть рвалась из уютного тела, круша тихий мир дома...

Неделя, как Валя почти перестала есть, и позавчера Таня снесла кошку в ветеринарку.

Врач подозрительно осмотрела пациентку, посветила зрачки, пощупала живот.

– Сколько ей?

– Четырнадцать с половиной, – ответила Таня, давя всем нутром червячка дурного предчувствия. Не удержалась: соврала – скостила годик.

Ветврач с сочувствием подняла глаза на хозяйку:

– Возраст... Сами понимаете...

Таня согласно закивала – да, мол, возраст. Сведенные брови зажали плаксивую морщинку. «Но Маша – Маруся-то до двадцати лет жила...» – не решилась возразить вслух. Сглотнув застрявший в горле ком, Таня подобралась и сообразила повести разговор по-деловому.

– Может, капельницу? Я оплачу. Хоть курс сразу...

Кафель смотровой отражал холодный свет слепящих ламп: страшнее его ничего нет.

Врач покачала головой и села за ноутбук заполнять медкарту.

– Вот что... Давайте-ка биохимию сделаем, – не отрываясь от экрана, предложила она. – Посмотрим, что там...

Молоденькая медсестра помогла скрутить Валю, чтобы забрать кровь. Откуда-то в обессилившей исхудавшей кошке взялись силы для грозного рыка, она со всей мощи дернулась, попыталась выпустить когти, но жилистые руки, готовые к такому повороту, железной хваткой прижали ее к столу. Наконец, густая почти черная кровь заполнила пробирки.

– Завтра с утра позвоните в клинику за результатом, – голос ветеринара звучал будто издалека. – А сегодня кормите насильно детским мясным пюре или кормом для котят... Воду надо вливать по чуть-чуть, если сама откажется пить...

Таня опять кивала, а сама, как в тумане, гнала от себя то, что чувствовала кожей. Ведь Маня-Манюра... двадцать лет...

Да сама-то Валя уже все знала про радугу на пути к белому облаку и про распахнутые на ночном небе яркие звезды закрывшихся до окончания веков глаз. Всем нутром чуяла, как прорывается кошачий дух из одряхлевшего тела и помутневшим зрачком видела другой мир.

Вечером Валечка полизала мягкого корма, попила воды. Измотанная Таня гладила мурчащую кошку. Вот он – покой дорогой! Стрелка тикает, Валечка мурчит – жизнь идёт. Жила же Маша до двадцати лет и в усики не дула, а Валюше-то и пятнадцати нет... Таня и сама поверила в свою ложь в ветеринарке.

Ночь пережили. Таня часто просыпалась, считала секунды в такт стрелке, прислушиваясь, дышит ли Валя. А та, устроившись у нее на одеяле, вытянулась во всю длину.

Наутро Валечка как будто с аппетитом поела, пошла в свой лоток: древесные гранулы бодро гремели о пластиковый бортик. Таня прислушивалась к привычным звукам их с Валюшей домашней жизни. Пусть так будет всегда, ничего больше не надо – только то, чем жили.

Стрелки отмерили девять – клиника открылась. Таня смотрела то на часы, то на телефонный аппарат, даже достала визитку, но номер набрать не решалась. А что скажут? Ну, бывает, что у кошек плохой аппетит. Корм надо менять. Может, скажут, отравилась чем... Или шерсти наглоталась, наелась цветов на подоконнике... Да мало ли!.. Живут же кошки...

Днем Валечка снова чуть-чуть полизала котячьего корма и исчезла. Таня искала, кискала – будто испарилась кошка. Ну не могла же уйти! Оказалось, Валя залегла под старый, многими лапами коцанный диван, будто прячась от дневного света, от этой жизни, которой оставалось в ней на кончике тощего хвоста.

После обеда дел особенно не намечалось, сидеть сложа руки, ощущая незримое присутствие сгинувшей с глаз Вали, было невыносимо, и Таня, чтобы занять себя, полезла в глубокое чрево книжного шкафа. Руки сами потянулись в прошлое – туда, где все живы и здоровы. Перебирала фотоальбомы: верхним и первым по важности лежал «Павлик» с беззубым младенцем на обложке, потом (тот, что с голубками) семейный – от свадьбы до вдовства, дальше в строго определенном порядке

«Маша», «Коля», «Катя», «Стёпа» с усами разномастными мордами. В самом низу «Валентина» – его и положила на колени.

Таня отогнула обложку – на страницу выпрыгнул мохнатый белый котенок. Сколько таких водится – все на одну морду! Перевернула лист – пушистый шарик залез в тапку Таниного мужа. Дальше Валечка-подросток на кухонном подоконнике среди цветущих фиалок. Валентина, солидная дама, позировала на спинке хозяйского дивана в гостиной – развалилась барынькой, разложила на выгоревшей от солнечных лучей диванной обивке царственный, как перо райской птицы, хвост.

Валечкино царство невелико: одна комната, прихожая, кухня, совмещенные ванная с туалетом, летом еще и лоджия. В прихожей, в самом темном углу, ее лоток. В кухне возле раковины – миски с едой и водой. Так и жили они месяц за месяцем, год за годом.

Изредка Таня ездила в соседний город к подруге или в санаторий. Тогда их мир дополняли чужие шаги, запахи, напоминая, что они не одни во вселенной: Валечку навещала одышливая соседка либо раз в день в квартиру врывается Танин сын. Воротя нос, Павлик менял наполнитель, выворачивал пакетик влажного корма в одну миску, горсть сушки на ужин – во вторую, подливал воду и стремительно уходил, не обращая внимания на трущуюся об ноги Валентину.

3

...А той последней ночью и правда Валюшка совсем сдурела. Темень наглухо заволакивала квартиру, в такое время она казалось чужой, если бы не это привычное тиканье часов. Лежать без сна в тёмной комнате, когда рядом истошно орёт кошка, – сущее наказание. Главное – дотянуть до того момента, когда солнечный луч, нащупав в шторах зазор, проникнет в комнату.

С трудом дождавшись, пока стрелки отмерят шесть, Таня опустила ноги в шлепанцы и пошла в кухню, попутно везде включая свет, – кошка помотыляла следом. Не зная, за что еще схватиться, Таня раздвинула занавески на окне: хмурая небесная поволока раннего утра заглянула в дом. Достала из холодильника пакетик с кошачьим паштетом, сунула палец с кормом Вале под нос – та отвернулась.

Таня устало опустилась за кухонный стол. Кошка, шатко сделав круг по кухне, завалилась у её ног. Хозяйка наклонилась к ней и начала поглаживать клокастую потускневшую шерсть. Валечка в ответ попыталась завести мурок и даже пару раз муркнула, а потом вытянулась в струнку, дёрнулась всем телом – и свет для неё навсегда погас. Секундная стрелка в комнате будто запнулась на миг, но тут же двинулась дальше, будто ничего не случилось.

Таня сразу всё поняла. Легла грудью на стол и вымученно заревела. Ну почему?.. Почему? Ведь живут же кошки двадцать лет! Живут же!.. Младенчески голубые глаза затянула соленая влага. Слёзы струились по милovidному лицу, затекали в морщинки. Нос заложило – стало тяжело дышать, будто кислород перекрыли – мир кончился.

А стрелки часов невозмутимо наматывали круги – вот уже утро уверенно вступало в свои права. Солнечный луч, прорвав облачную завесу, проник в кухню, достиг обеденного стола и, сплетясь с серебристой сединой, улёгся на Таниной белёсой макушке. Суета нового дня подкапывала – надо торопиться.

Худо-бедно взяла себя в руки. Метнулась в комнату, зарылась в пахнувший лавандой платяной шкаф, вытащила детскую Павликову простынку. Вернувшись в кухню, положила на нее кошку, свернула тельце в объёмистый кулёк. Провела ласковой ладонью по хлопковой ткани. «Отбегала своё Валечка, отмурчала, сколько Богом отмерено. Это редко, когда кошки двадцать лет живут. Вот жила Маша...» – чуть слышно, одними губами втолковывала себе, бестолковке, Таня.

В ванной плеснула в раскрасневшееся лицо холодной водой, высморкалась. Теперь надо сварить кофе, позавтракать – это было всегда, во все Танины дни: и до Вали, и с ней и после нее будет так. Поплелась в кухню. Потянув на себя алюминиевый желобок навесного шкафчика, достала кофейник, но сразу передумала. Вскипятила электрический чайник, всыпала в кружку ложку растворимого и плеснула воды. Опустившись за стол, прожевала кое-как бутерброд, но допить кофе не смогла.

В комнате торопливо оделась и, пока соседи не затопали по лестнице, вышла из квартиры вместе со свертком и небольшой штыковой лопаткой. Не хотелось лишних расспросов, любопытных взглядов, болтливых языков. Да какое им всем дело, если это их мир, Тани и Валечки, и меньше часа назад он рухнул?

Минутах в пятнадцати от дома, у речки, небольшой лесок. Туда Таня и направилась, чтобы проводить Валечку в последний путь. Прошла со своей ношей мосток, а дальше на пригорке между высокими елями – место темное, не проходное – их «семейный» некрополь. В ряд четыре могилки, помеченные крупными кусками шлифованного камня. Таня обвела взглядом своё печальное хозяйство – только и осталось от них.

Маша 1957–1977

Коля 1977–1983

Катя 1983–1992

Стёпа 1992–2003

Слезы снова проступили на глазах. Не смахивая – чего уж, все свои! – начала копать. Повезло еще: сентябрь на дворе – до заморозков далеко, земля мягкая – примет. Когда яма показалась надежной глубины, Таня опустила в нее сверток, засыпала землей, легонько обхлопала, сверху положила осколок булыжника, постояла. Выдернула у Стёпушки и Маши по тряпичному цветку – не обидятся! – воткнула Валечке. Потом машинально перекрестилась – всё как положено.

Оставалось в выходные покрутиться возле гранитной мастерской – там, бывало, двери подпирали крупными обломками каменных плит, а по выходным они вроде как никому не нужны – без надзора лежат. Можно сказать, ничьи. Один из обломков, что поровнее, и пригодился бы. Еще нужно разжиться белой краской и отыскать на лоджии старые буквенные трафареты.

Домой шла – еле ноги волочила, тошно было, хоть вой. Всякому отмерено, никто живым не уйдет. Чужую жизнь уважать – особое умение, а как уважать чужую смерть? Понятно, не вечны они – живая скотина, теплокровная, когда-то и остынет. Всё Таня знала – давно не девочка, но горевала по каждому. Кончилась Валечкина эпоха, и ее, Танино, время тоже отмерено кошачьими мерками.

Вернувшись домой, провернула ключ на три оборота и обмякла. Это их горе: ее и Валечки – пережить его надо без чужих глаз и пустопорожных утешений. И правда, скажут, ну что тут такого? У Тани умерла

кошка. Кошка – одна из миллиардов. Сколько их топчет лапами земной шарик! Но нет же, всё совершенно не так. Вовсе не в кошке дело. У Тани-то умерла Валя – единственная.

В кухне Таня плеснула в рюмку коньяк, нарезала лимон, пару бутербродов и устало опустилась на табурет. Задержав дыхание, хлопнула коньяку, зажевала лимонным ломтиком. Господи, гадость какая! Поморщилась с непривычки: и невкусно, а надо помянуть – родная душа. Отмерила еще рюмочку. Когда доела последний бутерброд с подсохшей уже коркой хлеба, подняла с полу кошачьи мисочки, сложила их в раковину. Принялась было убирать со стола, но глаза закрывались – темень подступала. Пошатываясь, пошла в комнату, как была в домашнем платье – так и завалилась на диван, выбитая алкоголем из опустевшей реальности.

4

Проснулась поздно вечером: стрелки отмерили девять, секундная двигалась по кругу – и так без конца. Сев на постели, Таня посмотрела на дисплей телефона – неотвеченных не было. Добрела до ванной, плеснула водой в лицо. Теперь в голове стало проясняться: Валечку схоронила, хлеб кончился, время – десятый час. Быт отрезвил: хлеба дома ни куска, а ближайший магазин вот-вот закроется.

Таня торопливо накинула плащ на мягое домашнее платье, обула старые босоножки и вышла из квартиры. Хороша, нечего сказать: с припухшим лицом, запахом алкоголя и красными от слёз глазами. Повезло – соседней не встретила, а то было б разговоров: Татьяна Ивановна, уважаемый человек, архитектор, – и спивается. Враньё. И про Татьяну Ивановну тоже. Таня она, Танечка – как родилась, так и осталась. Усмехнулась: повезло, что не актриса, иначе б сразу кинулись «спасать», бесцеремонно долбясь телефонными звонками и непрошеными визитами в наглухо закрытую дверь чужой жизни.

Таня добежала до ближайшего магазина – успела-таки. Второпях купила хлеба, молока и кое-что к обеду. Руки!.. Эти подлые руки сами потянулись к полке с кошачьим кормом. Спихнулась – отдернула. Когда вышла из магазина, охранник изнутри закрыл за ней дверь: часики протикали – рабочий день кончился.

Таня неспешно шла по темной улице и перебирала в уме: «Хлеба купила, молока. Завтра суббота – Павлик может заехать... А Валечка умерла». Последняя мысль шевельнулась в голове острым кошачьим коготком. Смирив себя с утратой, думала о своём, как бы со стороны подводя итог очередному этапу своей жизни. Умерла ее Валечка, царица Валентина – отжила своё барынькой. Умерла, как Маша – цыганская дочь, голубоглазый граф Коля, полосатая мадам Катя и козлик серенький Стёпочка... Все умерли. Одна Таня осталась. Стены Танины, время неизжитое и руки... эти подлые ласковые руки.

Теперь она старалась дышать глубоко, как только могла. Вдыхала и выдыхала, будто черпая силы из прохладной сентябрьской ночи. Так прошла всю улицу до широкого проспекта. И вдруг из подворотни мелькнула тень и затаилась под смородинным кустом. «Крыса?» – Таня даже напряглась. Тут раздалось протестное душераздирающее «мяу!» – шиш тебе, а не крыса – большего оскорбления не придумать! Кошка орала так истошно, словно была против этого засыпающего мира, против опустившейся на город ночи, против жизни такой и даже против

этого тусклого фонаря, который мог бы и светить поярче. Таня осторожно позвала: «Кыс-кыс!..»

Под световой купол опасно вышла кошка. Скорее, даже взрослый кот. Крупный, но, судя по шубе, со сложной судьбой. Манеры его не подвели. Изящно извиваясь и кланяясь, как заморский посол, кот наворачивал круги вокруг Тани, стараясь зарекомендовать себя с лучшей стороны, наконец потерся шерстяным боком о её ноги. Кошачья дипломатия принесла плоды. Таня присела к нему, провела ладонью по грязно-рыжей клокастой шерсти, заглянула в желтые глаза.

– Усы-то где подпалил? – жалостливо и обречённо улыбнулась. – Да сколько тебе? Солидный котина. Кошки, говорят, лет двадцать живут...

Кот завел мурок – пел он с присвистом, убедительно, звук выходил плотный, густой.

– Ишь ты, артист! – невольно восхитилась Таня.

Она еще раз провела ладонью по спине кота – от ушек от самого кончика хвоста. Кот прибавил громкость и стал еще усерднее льнуть к ее рукам, тычась в них мордой.

– Да нет у меня ничего. Не купила. Кто ж знал, что тебя встречу? – будто извинялась Таня, начёсывая проходимца за ухом. – Разве дома у Валечки остался пакетик...

Посчитав, что переговоры завершились успешно, кот победно выгнул хвост вязальным крючком и деловито потрусил впереди Тани – уж он-то знал путь...